

Вернувшись от Дачжуана и Ханьва, Гоудань поделился с Ван Сюанем:

— Мне так хочется хоть чем-то им помочь, да только ума не приложу, что в моих силах.

Ван Сюань как раз раскладывал новые снадобья, которые приготовил для Дачжуана. В лютые зимние холода покалеченная нога парня легко обмороживалась и постоянно ныла, а на вторую, здоровую, приходилась вся нагрузка, отчего она сильно отекала. Ван Сюань учёл все эти тонкости.

— Забота твоя понятна, — отозвался он, — но посмотри кругом: сейчас мы мало что можем изменить. Не изводи себя. Мы пока всего лишь студенты. Вот выучимся, встанем на ноги — тогда и поможем, чем сумеем.

— Эх, друзья детства... — вздохнул Гоудань. — Кого жизнь раскидала, кто инвалидом остался, а кого и вовсе в живых нет...

— Что за глупости ты говоришь? — оборвал его А-Сюань. — Под Новый год поминать смерть — дурная примета.

Он тут же спохватился и прикусил язык: сам ведь только что произнёс это запретное слово.

Накануне праздника затеяли генеральную уборку. Отмыли весь дом, достали из кладовой пылившиеся без дела бамбуковые пароварки — пришло время готовить новогодние пироги из клейкого риса. С тех пор как дела пошли на лад, Ли Сы спал и видел, как уставит праздничный стол яствами: по народному поверью, если в Новый год столы ломятся от еды, то и весь следующий год пройдёт в достатке и сытости. Сам отец, конечно, готовить не умел, но стоило ему заикнуться о каком-нибудь лакомстве, как Гоудань с А-Сюанем тут же принимались за дело. Благо на дворе стояли такие морозы, что за сохранностьстряпни можно было не опасаться.

Вскоре по дому растёкся густой, аппетитный аромат — настоящий запах домашнего уюта и тепла. Возиться с рисовым тестом было непросто: сперва пухлые белые зёрна замачивали, затем томили на пару до мягкости и, наконец, долго толкли в ступе. Для двух крепких молодых парней такая тяжёлая работа была нипочём, и вскоре на бамбуковых ситах уже остывали круглые, приплюснутые лепёшки размером с ладонь.

Есть их можно было и горячими, и холодными, правда, остывая, они быстро твердели. Зато если положить такую лепёшку на решётку над углями, она размягчалась, покрываясь золотистой корочкой и источая умопомрачительный аромат. А можно было обжарить их в топлёном свином сале и посыпать сахаром — тогда получалось изысканное лакомство. Хороши они были в любом виде.

Позволить себе такое угощение могли только зажиточные хозяева. Клейкий рис не отличался высокой урожайностью, и мало кто решался тратить на него дефицитную пахотную землю.

Обычно крестьяне выменивали горсть-другую у соседей, так что рисовые лепёшки исстари считались признаком роскоши.

В представлении Ли Сы признаком истинного богатства были закрома, ломящиеся от зерна, и новогодние лепёшки служили тому лучшим подтверждением. Душа старика пела при виде этих припасов. Каждый вечер перед сном он неизменно брал фонарик и шёл проверять кладовую. Оглядывал мешки с крупой, любовался подвешенными под потолком окороками и вяленным мясом, рачительно пересчитывал добро и только после этого вешал на дверь замок. Лишь тогда, умиротворённый и довольный, он укладывался на тёплый кан.

К празднику, как и хотел отец, закололи кабана. Половину туши пустили на продажу односельчанам, а вторую Гоудань наотрез отказался продавать, настояв, чтобы всё оставили себе. Этих поросят Гоудань когда-то сам принёс в дом. Отец, помимо работы в поле, пас колхозный скот и по пути всегда косил сочную траву для свиней. Сын не раз твердил ему, что пора бы побереечь силы и больше отдыхать, но Ли Сы лишь отмахивался: мол, если здоровый мужик в его годы усядется на печи барином, вся деревня его засмеёт. Он рвался работать, и тогда Гоудань, чтобы занять отца делом без лишнего надрыва, предложил завести свиней и гусей.

На душе у старика было радостно, и он снова завёл старую песню:

— Силы у меня ещё есть. Сынок, встретишь хорошую девушку — веди в дом. Родите мне внука, а уж я вынянчу, не сомневайся.

Обычный, казалось бы, житейский разговор, но Гоудань с А-Сюанем разом притихли.

— Вы чего приуныли? — вздохнул Ли Сы. — Да не неволю я вас, упаси бог. Просто говорю: подвернётся хорошая партия — не упускайте. Учёба в университете долгая, четыре года, да пока ещё работу распределят... К тому времени вам пойдёт двадцать шестой, а то и двадцать седьмой год — по деревенским меркам возраст солидный, завидные женихи перезреют.

Сам-то он в молодости мыкался от безысходности: в нищете о женитьбе и думать нечего было. Но сейчас сын выбился в люди, денег на выкуп невесты в доме куры не клюют — зачем же тянуть? И парней жалко, ходят бобылями, и внуков понянчить охота, а они и знать об этом не хотят.

— Отец, давай не будем загадывать, — мягко возразил Гоудань. — В городе сейчас никто не торопится под венец. Да и детей поднимать теперь — совсем не то же самое, что раньше. Вот окончим учёбу, встанем на ноги, обживёмся — тогда и ребятишкам не придётся нужду терпеть.

— Дядя Сы, Гоудань дело говорит, — поддержал друга Ван Сюань. — В городах и правда женятся поздно. Сначала карьеру строят, прочный фундамент закладывают, чтобы потом ни в чём не нуждаться. Да и нам, студентам, в университете романы крутить запрещено.

Ли Сы лишь внутренне усмехнулся.

"Ишь чего выдумали — условия им подавай для женитьбы да детей!"

С каких это пор для продолжения рода требовались какие-то особые удобства? Ребёнок — он как трава в поле: поливай да корми, сам вырастет. Их дом в Сикани теперь если не самый богатый, то уж точно один из лучших. Чего ещё желать? Всё у них ладно, сытно. А богатство — дело наживное, главное, чтобы дети росли здоровыми.

— Вон, посмотрите на Старого Хромого, — заворчал Ли Сы. — Нищета беспросветная, в избе одни вши водятся, а он и то из кожи вон лезет, лишь бы сына женить да внуками обзавестись! А вы-то о чём думаете? Если тихонько в деревне свадьбу сыграете, откуда в вашем институте про то прознают?

Для Ли Сы, сколько бы они ни спорили, ничего важнее семьи и продолжения рода в человеческой жизни не существовало. Спорить с ними было бесполезно. Старик прекрасно знал упрямый нрав сына: тот с малых лет привык всё решать сам и чужих советов не слушал. Оставалось только вздыхать да сокрушаться про себя.

Впрочем, к этому беспокойству он уже притерпелся. Силой Гоуданя под венец не потащишь, да и глупо отрицать: парень видный, невесту всегда найдёт. Может, правы деревенские кумушки, уверявшие, будто у молодого студента запросы больно высоки — метит, небось, в городские, образованные девицы.

— Ладно, бог с тобой, — вздохнул отец. — Раз с твоей женитьбой не сдвинешься, давай хоть про А-Сюаня поговорим.

Гоудань мгновенно вскинул взгляд на Ван Сюаня. Ли Сы, не заметив этого безмолвного напряжения, продолжал как ни в чём не бывало:

— Помните нашего бухгалтера Чэня? У него ведь дочка, Сяоцзюань, с вами в одном классе училась. Она пару лет назад в медицинское училище поступила, а теперь вернулась дипломированным фельдшером. Распределили её в амбулаторию в соседний посёлок, шприцем орудовать. Так вот, Чэнь уже несколько раз ненароком выпытывал у меня про А-Сюаня. Явно почву прощупывает, породниться хочет.

— Исключено! — отрезал Гоудань. — А-Сюань к его дочке абсолютно равнодушен.

Он выразительно посмотрел на названного брата. Ван Сюань поспешно закивал в знак согласия:

— Да, дядя Сы. Если бухгалтер Чэнь снова заведёт этот разговор, так ему и скажите: мол, у А-Сюаня сейчас на уме одна учёба, не до глупостей.

— Ну вот, опять оба в отказ, — проворчал Ли Сы. — Да ты не тушуйся, А-Сюань, люди ведь со всей душой. Чэнь неспроста на тебя заглядывается. Сирота, без роду и племени, зато умница, в столице учишься. Такого зятя пригреешь — он для тестя с тётчей роднее сына станет. Да и девка — загляденье, при казённом жалованье теперь. Опять же, за партой вместе сидели.

Ли Сы только головой покачал. Капризничают парни: такую завидную невесту с порога развернули! Какая же краля им тогда нужна?

Впрочем, лезть в их дела старик больше не стал. Наступил первый день Нового года. Нарядившись в новенький костюм, который сын привёз ему из самой столицы, Ли Сы чинно отправился поздравлять деревенских старейшин. Каждый встречный при виде его уважительно кланялся:

— Ну, Лао Сы, ну уважил! Наконец-то и на твоей улице праздник, голову высоко поднял!

И то правда: спина у Ли Сы наконец-то распрямилась. Родной сын — гордость всей округи, приёмный — золотой парень, оба заботливые, почтительные. Теперь казалось, что все бывшие тяготы, нищета и унижения были лишь долгой дорогой к нынешней благодатной старости.

Соседи исходили завистью, а Гоудань с Ван Сюанем сделались самыми желанными гостями в каждом доме. Их засыпали расспросами, хлопали по плечам и не отпускали до самого вечера, так что парни едва унесли ноги.

— Вспоминаю, как малым был, — негромко заговорил Гоудань, когда они наконец остались одни. — Плетёшься, бывало, за отцом поздравлять старейшин. Нас всегда задвигали в самый глухой угол, словно и нет нас вовсе. Отвесим земной поклон, а нам лишь рукой небрежно махнут: проваливайте, мол, не мешайте. Другим ребятишкам полные горсти сладостей сыпали, а нам ни семечек, ни сушёных ягод, даже глотка воды не предложат. Отец молча сжимал мою ладонь, а я стоял рядом и во все глаза смотрел на чужие полные карманы, едва не давясь слюной.

Он запустил руку в карман и высыпал на ладонь пригоршню гостинцев:

— Гляди: конфеты, тыквенные семечки, рисовые лепёшки... Всё то, о чём я в детстве грезил, посасывая палец в сторонке. Теперь у меня этого добра навалом, карманы топорщатся. Да только уже не хочется.

Ван Сюань ласково сжал его ладонь.

— Бедный мой Гоудань... Но ты ведь помнишь, в какой беспросветной нищете мы тогда жили. Каждая крошка была на счету, конфет в глаза не видели. Если уж и баловали детей, то разве что горстью жареных семечек да дикими каштанами.

— Да и сейчас деревня не шикует, — вздохнул Гоудань. — Но даже в самые голодные годы матери ухитрялись приберечь для ребятишек к празднику хоть какую-то мелочь — хотя бы лесную сушеницу, что летом в горах собирали. У каждого мальчишки в кулаке была горсть солёных семечек, а у меня — пусто. До смерти хотелось попробовать! Я тайком подбирал с земли чужую шелуху и сосал её — она казалась такой солоновато-сладкой... Потом-то я поумнел и начал просто отнимать еду у деревенских. За это меня возненавидели ещё сильнее. Бабы вслед шипели: «Глядите, отродье немой опять безобразничает!»

Теперь же никто бы не посмел задвинуть его в угол. Напротив, старики и старухи из рода Ли едва ли не обниматься лезли, силясь показать свою безграничную любовь. Былое презрение бесследно испарилось, уступив место угодливой лести. Только Гоуданю это заискивание было даром не нужно.

— Они стелются перед нами только из-за богатых подарков, что мы принесли, — хмыкнул он. — Куда им деваться, приходится кривить душой и расточать улыбки.

С возрастом понимаешь: праздник постепенно утрачивает былую магию, превращаясь в череду унылых обрядов и взаимных обязательств. В детстве, какими бы голодными ни выдавались дни, Нового года ждали как чуда. Пускай без обновки и гроша в кармане, но ради одной лишь миски белого риса готовы были прыгать от радости. Дни до заветной даты считали... А теперь оглянуться не успел — и вот он, очередной год пролетел. Время несётся вскачь, и в праздничной суете больше нет той прежней, детской радости. Да и чего ждать от праздника, кроме лишней морщины на лбу?

Хотя Гоудань кривил душой — повод для радости у него имелся. В этом году дела пошли в гору, и денег он заработал куда больше прежнего.

Череда утомительных праздничных хлопот наконец подошла к концу: походы по родственникам, визиты к учителям и посиделки со старыми школьными товарищами остались позади.

— Что? Строить новый дом? — изумился Ли Сы. — Да окститесь, вам же ещё учиться и учиться!

— Батя, в эту мазанку мы заселились бог знает когда, — мягко ответил Гоудань. — Сколько её ни латай, она всё равно на ладан дышит. Поднимется буран или повалит тяжёлый мокрый снег — и крыша рухнет нам на головы. Надо ставить добротную, кирпичную усадьбу, чтоб на века.

Сердце Ли Сы сладко заныло. О собственном новом доме грезит любой крестьянин. Схема проста и нерушима: жениться, родить детей, купить вола, поставить крепкий кирпичный дом, а потом передать его сыновьям и внукам как главное семейное достояние.

— Ну, коли так... — Ли Сы поднялся с места, подошёл к сундуку с вещами и извлёк со дна поношенный свёрток. — Кое-какие сбережения у меня скопились. На полностью кирпичные стены, может, и не хватит, но добротную полукирпичную кладку мы осилим.

Старик бережно развернул чёрную тряпицу и с сияющим видом принялся пересчитывать купюры. Закончив, он протянул стопку сыну:

— Кликнем по знакомству рукастых мужиков — отгрохаем три просторные комнаты.

Гоудань опустил взгляд на ладонь. В пачке виднелись потрёпанные пяти- и десятиюаневые банкноты, а всё остальное составляла скопленная за долгие годы мелочь. Среди пыльных ветхих купюр выделялись пять новеньких, хрустящих банкнот по десять юаней — те самые, что Гоудань преподнёс отцу в красном конверте на Новый год.

— Всё, что ты мне присылал, я до копейки откладывал, — с гордостью проговорил отец. — Вы ведь с А-Сюанем умники, сами на учёбу зарабатываете, старика не обременяете. Вот мои трудовые копейки и целы. Если мало окажется — не беда. Скоро куры нестись начнут, кабана из хлева сдадим, я ещё подкоплю. Нам точно хватит.

У Гоуданя перехватило горло. Сам он ворочал суммами в разы крупнее, и вся отцовская заначка едва ли равнялась его дневному заработку, но Ли Сы собирал эти крохи годами, во всём себе отказывая.

— Батя, тут же сущие копейки... Зачем?

— Как зачем? Копейка к копейке, сынок. То яйца куриные да гусиные продам, то излишки зерна сдам. Летом перекупщики целебные травы принимали — я тоже в горы ходил, копал помаленьку. Всё в дело. Я ведь как рассуждал: вам ещё несколько лет учиться, а как диплом получите — на первых порах туго придётся, откуда деньгам взяться? Вот и берёг для вас копеечку. Раз уж затеяли стройку — забирай, а на жизнь я ещё скоплю.

Ли Сы привык во всём урезать себя. Гоудань исправно слал ему переводы, но старик притрагивался к деньгам только тогда, когда сыновья возвращались на каникулы — лишь к их приезду покупал на рынке кусок свинины. Именно поэтому парни каждый раз везли из уезда полные сумки провизии. Они надеялись, что отец хотя бы в их отсутствие будет нормально питаться, закоптит окорок или засолит сало на зиму. Самого-то его было не заставить зайти в мясную лавку: за весь год он бы и пары фунтов мяса для себя не купил.

И этот невероятно бережливый, скупой к самому себе человек без малейших колебаний, единым махом выложил все свои многолетние сбережения ради мечты сына о новом доме. Отдал легко, с радостью, даже не подумав возразить.

— Эх, батя... — со вздохом укорил его Гоудань. — Сколько раз я просил тебя: покупай нормальную еду, не голодай. А ты всё в кубышку прятал...

— Да что ты, сынок! Я сыт, одет, обут — чего ещё желать? — отмахнулся Ли Сы. — Настоящим барином живу, грех жаловаться.

И ведь действительно жил без забот — куда лучше, чем во все прежние горькие годы.

— Ладно, — Гоудань бережно вернул отцу свёрток. — Пусть эти деньги пока у тебя полежат. Я составлю смету, начну закупки, и если не будет хватать — тогда и возьму.

— Как знаешь. Я положу их на прежнее место, если поиздержишься — бери без спроса, — засуетился Ли Сы.

Такое безграничное доверие и родительское потакание трогали до глубины души. Много ли на свете отцов, которые без лишних вопросов отдадут сыну всю казну да ещё и покажут, где лежит заветный ключ? Обычно родители, даже отказывая себе во всём, прячут сбережения в самые глухие тайники и при каждом удобном случае прибегают к ним. Мало кто решится показать детям истинные размеры своих накоплений. Даже в благополучных семьях старики предпочитают держать заначку при себе, особенно если детей несколько — мало ли как жизнь повернётся.

Пусть Гоудань и наотрез отказывался от скорой женитьбы, решение отстроить новую усадьбу примирило Ли Сы с действительностью. Наконец-то затевалось настоящее, мужское дело.

Строительство дома — затея серьёзная, суеты не терпящая. Нужно было не только закупить камень да лес, нанять толковых каменщиков и плотников, но и тщательно распланировать расположение комнат, их освещение и ориентацию по сторонам света. А главное — свериться с лунным календарем, чтобы выбрать благоприятный час для закладки фундамента и возведения конька крыши. В таких делах пренебрегать вековыми традициями не следовало.

Конечно, немедленно хвататься за лопаты никто не собирался. Время не пришло, да и стужа на дворе стояла лютая — земля промёрзла насквозь. Стройку отложили до весенней оттепели. К тому же сразу после праздников парням предстояло вернуться на учёбу в столицу. Гоудань завёл этот разговор лишь для того, чтобы отец свыкся с мыслью и заранее подготовил площадку.

Жизнь потекла своим чередом.

За тихими семейными разговорами незаметно пролетали последние дни каникул. Ли Сы тоскливо думал о скорой разлуке: уедут ребята — и огромный дом снова опустеет, а ему опять придётся коротать вечера в одиночестве и ужинать один на один со своими мыслями. В такие минуты он особенно остро понимал, почему так отчаянно заводил речь о внуках. На склоне лет одиночество страшит сильнее любой хворобы.

Не успели они договорить, как с улицы донёсся громкий, встревоженный крик — кто-то звал их со двора.